

ванн. Кроме того, должны были сказываться и большие просторы, и большие возможности расширения ареалов влияния, в том числе и из-за больших возможностей перемещений людей и товаров, а равно — и коммуникаций меж регионами и субрегионами внутри одной и той же большой экологической ниши. С другой стороны, нельзя недооценивать многовековую ориентацию «владык» гвинейской зоны побережья на отношения с европейцами. Возможно, это обстоятельство не только сохраняло, но и консервировало управленческие структуры прибрежных обществ, создавало устойчивые потестарные организмы, благополучие которых «подкармливалось» торговым взаимодействием с европейцами, ведя верхушку к неизбежному «отдалению от дел» — в интересах бесперебойного функционирования самой системы. Таким образом, вместо признаваемой наукой как историческая неизбежность эволюции имела место инволюция социальной системы, потеря ею динамики и накопление приобретаемого от торговли богатства в руках исторически сложившихся малочисленных «элит» с его неизбежной тезаврацией. Причину этого накопления сокровищ следует искать в незаинтересованности сложившейся системы в собственно производстве. Она прекрасно существовала за счет посреднических функций. Тем более что даже вложения сил и средств в войны за захват рабов не требовалось: поток рабов поступал сам по себе, усилиями «владык» из зоны саванн, попадая на рынки и давая прибыли локальной, но первую очередь центральной власти.

В следующей главе будут приведены примеры инвентаря и аксессуаров «вождей саванны», которые в отличие от атрибутов власти и влияния «владык» побережья оказываются крайне скромны и незатейливы, мало отличаясь от сонма подданных, фактически «нивелируя» их в этой среде, почти не «отрешая» от образа обыденности.

Ислам и трансформация картин жизни бамбара: к потере идентичности?

Изучение традиционных культур Западного Судана (и бамбара, в частности), особенно наблюдение лавинообразных преобразований в формах существования и отражения последнего столетия, ставит исследователей перед рядом императивных, но, увы, весьма трудно разрешимых вопросов. Некоторые из них, связанные с европоцентризмом научной традиции изучения и вольной или невольной подменой «кодов реальности» «кодами видения», уже упоминались.

Но существует еще один огромный пласт явлений культуры бамбара, связанный с разнообразными формами воздействия ислама на традиционные стереотипы. Особая сложность заключается в том, что часто они встречаются в весьма скрытых, а то и слитных формах, из-за чего с трудом поддаются выделению и определению. Причем само возникновение подобных форм есть не более, чем отражение общего знаменателя этой культуры: ориентации на синкретизм, на усвоение, перекодировку внешнего информационного потока в соответствии с устойчивыми нормами самих бамбара. Именно так во многом вследствие заторможенности процессов эволюции, растянутости во времени природных перемен, многовекового, постепенного, дозированного внедрения ислама — без потрясений и шоковых взаимодействий — и шел исторический процесс у бамбара. Именно так — размеренно, постепенно «чужое» внедрялось в собственную жизнь бамбара, становясь незаметно «своим», в ряде значимых сфер создавая предпосылки смены, а то и вольную или невольную смену парадигм культуры. К тому же ислам проникал через социальные элиты в становящихся престижными для общества сферах (управление, торговля). Кстати, по тем же культурным нормам он на протяжении веков не подавлял и не вытеснял сферу традиционного мировоззрения, а существовал параллельно, внешне даже мало пересекаясь. Однако косвенное воздействие ислама вполне могло сказываться хотя бы по принципам аналогий. Так, кодифицированная, рационально мотивируемая доктрина ислама вполне могла оказать воздействие на построение «моделей мира» в доисламских (и неисламских) картинах бытия. Не случайно по этим или схожим направлениям двигаются исламские и христианские теологи, миссионеры или ученые религиозной ориентации, находя, к примеру, по-разному выраженные представления о «Боге-Творце», которые на поверку чаще всего оказываются результатом логических построений по правилам соответствующих мировоззренческих систем, далеких от архаической составляющей культуры бамбара.

Впрочем, при всей важности затронутой темы для адекватного восприятия «фактов культуры», для их критики, перспективных построений и реконструкций тема эта более чем деликатная, ибо бесспорные критерии идентификации в ней вряд ли возможны.

Очень часто, например, в качестве критерия могли бы выступать языковые данные. Однако лексика, которая, казалось бы, должна наиболее отчетливо отражать понятийную базу культуры в ее коммуникативных средствах, имеет весьма солидный запас вполне обиход-

ных слов арабского или производного от него происхождения. Возьмем оценить этот объем в примерно 30–40 % (с учетом частотности употребления в традиционной или близкой к традиционной среде). Подобный сюжет достоин отдельного исследования и в какой-то мере явился одним из направлений усилий в ходе моей этнографо-лингвистической экспедиции в Мали в 1996–1997 гг., в ходе которой моим спутником был А.А. Маслов [Арсеньев 1998б]. Причем следует оговорить, что оценка должна учитывать традиционно воспроизводимые сюжеты общения. В то время как языковая среда вокруг упомянутой экспедиции естественно реагировала на поднимаемые исследователем темы общения, подстраивалась под них, тем самым активируя сферы культуры и блоки лексики, часто лежащие за рамками обыденности и повседневности.

Тем не менее возникает необходимость указать и на то, что помимо собственно лексики арабские, да, впрочем, в последующем (в колониальную и постколониальную эпохи) и французские, и английские, и прочие инновации могли проникать (либо воздействовать в качестве своеобразного катализатора для способов мышления и средств его выражения) и на синтагматический или даже морфологический (морфемный) уровни. Так, скажем, могли активироваться словообразовательные конструкции абстрактного характера при помощи форманта (суффикса) «йа». Увеличение числа таких абстракций, выражающих качество, состояние, типы, чрезвычайно удобно и даже необходимо для обращений с европейских языковых и культурных стереотипов к бамбарским, для переводов соответствующих кодов. Но оно крайне слабо отражает реальную внутреннюю культурную и языковую тягу к оперированию абстракциями, отвлечениями, понятиями. Собственный «срез» или «круг реализации» языка более предметен, более конкретен, но от этого и более образен, поэтичен, метафоричен.

Коды языка и коды знаковой определенности

Известно, что лингвистами язык бамбара определяется как аналитический [Поздняков 1990: 283]. Известно также, что есть проблема типологических несоответствий и недоразумений, возникающих при попытке увязать в едином ряду взаимной обусловленности язык и мышление. Особенно сложной становится терминологическая сторона, когда и «язык», и «мышление» вынужденно в силу традиций науки должны обозначаться терминами-антиподами. Для бамбара соот-